

Едва пробило час тигра — было чуть больше трех часов ночи, — как по еще не остывшему от ночной прохлады воздуху разнесся гулкий, протяжный звон колокола. Его размеренные удары — бум, бум, бум — безжалостно разбили утреннюю тишину академии Цинъюнь.

В учебном корпусе Чжу Линь Янь целиком зарылся в мягкое пуховое одеяло, наружу торчали лишь несколько взъерошенных черных прядей. Услышав этот ненавистный звук, он раздраженно заворочался, издал невнятный стон, похожий на ворчание потревоженного зверька, и, плотнее закутавшись в кокон, покатился к самому краю кровати, пытаясь спрятать голову подальше.

— Тук, тук, тук.

Три негромких, но отчетливых стука в дверь, а следом — монотонный голос управляющего Чэня, лишенный всяких эмоций:

— К пяти тридцати быть в зале Минлунь. Опоздания недопустимы.

Линь Янь рывком отбросил одеяло и сел, взлохмаченный, с лицом, на котором отчетливо читались ярость и полное непонимание того, почему его так жестоко вырвали из сладкого сна. Он прищурился, привыкая к серому утреннему свету, пробивающемуся сквозь окно.

Кровать напротив уже пустовала.

Постель Се Сяо была заправлена безупречно: тонкое одеяло сложено ровным прямоугольником, словно кусок сухого тофу. Хозяина и след простыл. В воздухе, казалось, еще витал его едва уловимый, чистый и прохладный аромат.

Линь Янь широко зевнул, до слез, и, шаркая ногами, сполз с кровати. Он кое-как натянул новую, но до крайности неудобную лунно-белую форму ученика, криво затянул пояс. В зеркале отразилось нечто жалкое: волосы торчат в разные стороны, под глазами — темные тени, вылитый прибитый заморозками баклажан.

Когда он, едва не спотыкаясь, влетел в зал Минлунь, там уже яблоку негде было упасть. Десятки глаз тут же устремились на него, полные любопытства, скрытого интереса и едва заметного пренебрежения. Линь Янь почувствовал, как лицо заливают краска. Набравшись храбрости, под молчаливыми взглядами он проскользнул к единственному свободному месту — рядом с Се Сяо.

Се Сяо сидел прямо, словно изваяние из нефрита. Его темно-синий хлопковый халат был застиран добела, но на нем он смотрелся невероятно статно и благородно. Перед ним лежал развернутый свиток, в руке — простая бамбуковая кисть. Кончик ее завис в полудюйме от бумаги, замер, готовый коснуться листа, а сам юноша выглядел настолько сосредоточенным, будто вокруг не существовало никакого шума.

Линь Янь плюхнулся на место, подняв порыв ветра. Кисть Се Сяо едва заметно дрогнула, но он даже не повернул головы.

На кафедре старый учитель с седой бородой откашлялся. Его мутный, но пронзительный взгляд обвел зал и на мгновение задержался на Линь Яне, наполнив воздух безмолвным давлением. Тот поспешно опустил голову и принялся старательно листать новенький, пахнущий типографской краской экземпляр Лунь Юй.

Учитель начал лекцию:

— Учитель сказал: Учиться и время от времени повторять изученное — разве это не приятно? Приезжают друзья издалека — разве это не радостно? Человек не обижается, если его не знают, — разве это не благородный муж?

Голос старика звучал сухо и отрывисто, каждое слово казалось вырванным из древних свитков и падало в уши Линь Яня с тяжелым грузом.

— Это первая глава, она о пути к знаниям, о дружбе и о том, как стать человеком. Учиться — значит повторять и применять на практике. Друзья — это те, кто разделяет наши устремления...

Все эти книжные обороты жужжали в голове, как рой назойливых насекомых. Линь Янь изо всех сил вглядывался в мелкие значки на странице, но те словно ожили — плясали, извивались и расплывались черными кляксами.

Се Сяо рядом сидел неподвижно, будто его измеряли линейкой. Изредка он касался бумаги кончиком кисти, оставляя четкие, изящные строчки мелким почерком. Линь Янь украдкой взглянул на него — от этих строк веяло таким холодом, что, казалось, они отталкивали любого, кто осмелится подойти.

Голос учителя продолжал звучать, напоминая то далекий глухой барабан, то нудное стрекотание цикад в летний полдень. Веки Линь Яня становились все тяжелее, будто к ним привязали свинцовые грузики. Он пытался держаться, но голова предательски клевала вниз.

Теплый утренний луч упал на гладкий лоб юноши. Голова качнулась — прядки волос дрогнули. Еще раз качнулась. Все тело подалось вперед, и он стал похож на маленькую иву, дремлющую под порывами весеннего ветра.

Се Сяо краем глаза следил за этим беспокойным соседом. Видя, как голова клонится все ниже к столу, он крепче сжал кисть, а его губы сжались в тонкую линию.

И тут —

— Бах!

Глухой звук, не слишком громкий, но в звенящей тишине лекционного зала прозвучавший как раскат грома.

Лоб Линь Яня со всего маху врезался в твердую деревянную столешницу. Удар был ощутимым.

— Ой! — коротко вскрикнул он, все еще наполовину пребывая в плену сна.

В зале Минлунь воцарилась гробовая тишина.

Десятки взглядов снова скрестились на нем, на этот раз не скрывая изумления, презрения и насмешки.

Учитель замолчал. Он медленно поднял голову, его густые седые брови сошлись на переносице, а острый взгляд, словно разряд молнии, вонзился в виновника шума.

Линь Янь, схватившись за ушибленный лоб, мгновенно проснулся. Он выпрямился, чувствуя, как лицо пылает от стыда — хотелось провалиться сквозь землю. Краем глаза он взглянул на соседа: Се Сяо все так же сидел с видом великого сосредоточения, но...

Взгляд Линь Яня упал на развернутую книгу Се Сяо. На чистом листе бумаги красовалась длинная, нелепая клякса — уродливая сороконожка, расплзшаяся прямо поверх мудрых изречений.

Кончик кисти Се Сяо замер в конце этого черного следа, и тяжелая капля туши, готовая сорваться, медленно набухла на ворсе.

Пальцы, сжимавшие кисть, побелели от напряжения.

Учитель тяжело кашлянул, и в этом звуке прозвучал такой гнев, что все ученики затаили дыхание. Он ничего не сказал, лишь одарил Линь Яня ледяным взглядом, словно смотрел на гнилое дерево, из которого ничего не выйдет, а затем с силой ударил линейкой по столу и продолжил лекцию.

Линь Янь потирал лоб, морщась от боли, и сердце его бешено колотилось. Ну вот и все. В первый же день так опозориться, да еще и под боком у будущего первого министра! Едва успел пристроиться, а репутация уже летит в тартарары!

Когда наконец прозвенел колокол, возвещающий перерыв, учитель с недовольным видом удалился. Напряжение в зале немного спало, ученики зашумели, разбиваясь на группы.

Линь Яню было не до шишки на лбу. Он схватил свой новенький, почти нетронутый Лунь Юй и, вскочив со скамьи, в пару шагов оказался у стола Се Сяо.

Се Сяо, опустив глаза, чистой хлопковой салфеткой старательно вытирал кляксу. Движения его были неспешными, а профиль в лучах света казался холодным и жестким.

— Брат Се! — голос Линь Яня прозвучал хрипло от сна, с нескрываемой мольбой и заискиванием. Он с грохотом бросил свою книгу на стол Се Сяо. Не дожидаясь реакции, он подался вперед и совершенно бесцеремонно ухватился за предплечье Се Сяо, почти всем весом навалившись на него.

— Брат Се, спасай! — Линь Янь скорчил страдальческую гримасу и указал пальцем на мелкие письмена. — Все эти иероглифы в лекции, от них голова гудит, будто внутри сотни пчел роятся! Они-то меня знают, а я их — нет!

Он сморщил нос, глядя на соседа с таким искренним и жалостливым видом, будто столкнулся с неразрешимой задачей.

Се Сяо замер.

Рука, лежавшая на его предплечье, была теплой, и это тепло проникало сквозь тонкую ткань халата. Но еще сильнее его напрягло то, что Линь Янь оказался слишком близко: его дыхание, смешанное с легким ароматом мыла и едва уловимым сладким запахом розового печенья, касалось обнаженной кожи над манжетой.

По коже Се Сяо пробежали мурашки.

Он на мгновение перестал дышать. Резко подняв глаза, он метнул на Линь Яня взгляд, полный острого раздражения, словно его оскорбили до глубины души.

Линь Янь смотрел на него широко распахнутыми глазами, полными надежды и детской доверчивости. На лбу у него ярко алел свежий след от удара.

— Убери руки, — произнес Се Сяо. Его голос звучал ниже обычного, натянутый, как тетива, с нотками властного приказа. Каждое слово было ледяным.

Линь Янь вздрогнул, но пальцы не убрал, лишь слегка ослабил хватку. Он моргнул и, вместо того чтобы отступить, подался еще ближе, почти положив подбородок на руку Се Сяо.

— Брат Се, ну чего ты такой злой? Я же просто спросил... Ты ведь все понимаешь, правда? Научи меня, а? Ну хоть чуть-чуть!

Его горячее дыхание снова коснулось чувствительной кожи.

Се Сяо так сильно сжал салфетку, что костяшки пальцев побелели. Глядя на это красивое лицо, на этот нелепый красный след на лбу, он почувствовал, как странное, незнакомое раздражение — и что-то еще, более жгучее — ударило в голову.

Он резко встал!

От резкого движения по столу пронесся порыв воздуха, заставив страницы книг зашуршать.

— Не понимаю, читай сам, — бросил Се Сяо, не глядя на Линь Яня, и поспешно зашагал прочь из зала, будто за ним гнались черти.

Линь Янь, едва удержавшись на ногах, ошарашенно смотрел ему вслед.

Спустя время он потрогал шишку на лбу, посмотрел на свою отвергнутую руку и пробормотал:

— И чего злиться-то... Я же просто спросил. В книгах не писали, что этот будущий министр такой вспыльчивый.

Он скривил губы, глядя на Лунь Юй Се Сяо с той самой досадной кляксой. Похоже, пристроиться к этому человеку будет непросто.

Звон колокола к обеду наконец спас голодных учеников.

Столовая академии была просторной, но в ней стоял неизменный запах казенной еды. Линь Янь, держа в руках грубую глиняную миску, с тоской смотрел на пустой овощной суп и пару темных, на вид совершенно невкусных мясных шариков.

— Этим даже кошку кормить — она побрезгует, — проворчал он, тыкая палочками в тефтельку.

Он обвел столовую взглядом и сразу нашел цель: Се Сяо сидел в углу у окна, перед ним стояла такая же миска. Он ел с той же педантичностью, с какой учился — аккуратно, тихо, размеренно, словно исполнял какой-то священный ритуал.

Линь Янь просиял и, подхватив миску, подсел к нему. Деревянная скамья скрипнула.

— Брат Се! — Линь Янь постарался вложить в голос как можно больше дружелюбия.

Се Сяо даже не поднял головы, продолжая медленно жевать овощи.

Линь Янь не смутился. Совершенно естественно он подцепил палочками свои два мясных шарика и, перегнувшись через миску, водрузил их прямо в центр риса Се Сяо!

— Держи, брат Се, тебе нужнее! — он подпер подбородок руками и с ожиданием уставился на Се Сяо, всем видом показывая: ну, похвали же меня за заботу. — Ты так много учишься, мозги напрягаешь, тебе нужно мясо! А я все равно не хочу, не пропадать же добру!

Два подозрительных мясных шарика, перепачканные в супе из миски Линь Яня, лежали на белоснежном рисе.

В столовой на мгновение воцарилась тишина. Соседние столы уставились на них с изумлением. Сын знатного рода делится едой из своей миски? Что за нарушение приличий?!

Се Сяо замер с палочками в руках. Он медленно поднял глаза, перевел взгляд с шариков на искреннее лицо Линь Яня.

В его глазах читалось многое: оцепенение, недоверие и растерянность перед такой бесцеремонной добротой. Он плотно сжал губы, а челюсть напряглась.

Линь Янь занервничал. Неужели перестарался? В книгах не было сказано, что будущий министр не ест мясные шарики.

— Ты... ты не брезгуй, — пробормотал он. — Они хоть и выглядят не очень...

Се Сяо смотрел на него целую вечность. Линь Янь уже приготовился к тому, что миску сейчас выльют ему на голову, но Се Сяо промолчал.

Опустив ресницы, он крепче сжал палочки и, с невероятным усилием, словно совершая пытку, подцепил один шарик.

Под напряженным взглядом Линь Яня он отправил его в рот.

Жевал он все так же аккуратно, хотя глотать было явно тяжело. Его кадык дернулся.

Линь Янь выдохнул с облегчением и широко улыбнулся, обнажив клыки:

— Вот видишь! Вкусно же?

Он не заметил, как уши Се Сяо окрасились в густой красный цвет, а сердце забилось чаще.

Се Сяо не ответил, вкусно это или нет. Он молча, с каким-то мазохистским усердием, доел остатки риса вместе со вторым шариком, стараясь сделать это как можно быстрее.

Линь Янь был доволен: кажется, лед тронулся. Он принялся ковырять свои овощи, жалуясь на еду, и совершенно не замечал, как напряжены плечи соседа.

Наступила ночь.

В учебном корпусе Чжу горела лишь крошечная масляная лампа. Се Сяо сидел за столом, перед ним лежал Да Сюэ. Его взгляд был сосредоточен, но лишь он сам знал, что на внутренней стороне его левого запястья, в тени, слабо мерцает бледно-голубой свет.

Полупрозрачный экран парил над рукой. По нему бежали потоки символов и данных — отчет об анализе поведения учеников и методах преподавания, собранных за день. Его палец едва заметно скользил по краю экрана.

Вдруг сзади послышался шорох, и повеяло свежестью после купания.

Палец Се Сяо замер.

Не успел он среагировать, как рядом на пол опустилось теплое тело. Мягкая ткань скользнула по его ноге.

Линь Янь, обнимая пуховую подушку, был в одной белой хлопковой ночной рубашке, открывавшей ключицы. Влажные волосы были перехвачены лентой, несколько прядок упали на лоб. Он уселся, скрестив ноги, и с широкой, обезоруживающей улыбкой посмотрел на Се Сяо. Его глаза в желтом свете лампы сияли, как звезды.

— Брат Се, одному читать скучно! — прошептал он с ленцой. — Я с тобой посижу!

Он придвинулся ближе, его плечо почти касалось бедра Се Сяо. Он любопытно заглянул в книгу, а затем перевел взгляд на запястье соседа, пытаясь найти что-то интересное.

— Ты только что... пальцами под столом двигал, что ты там смотрел? Так увлекся.

<http://bllate.org/book/19996/1971887>